

ДОРОГА ИЗ ЖЁЛТОГО КИРПИЧА

АНАСТАС ВОЛНЯН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Анастас Волнян

Дорога из жёлтого кирпичча

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волнян А.

Дорога из жёлтого кирпича / А. Волнян — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

ISBN 978-5-532-09256-3

Тмин никак не может дописать книгу. Зажатый в литературном рабстве и бездействии, он обращается к богу психотерапии Велизу, чтобы тот помог ему выйти из кризиса. Велиз же отправляет его в неведомое путешествие безо всяких гарантий с двумя непростыми спутниками. Герои попадают из реальности в реальность, окончательно запутываются и теряют друг друга. Возможен ли финал у этой истории или они попали в петлю Мёбиуса? Может быть, это только мираж дороги, которая растворяется впереди? Образцовая роуд-стори на колёсах безумия. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-09256-3

© Волнян А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Тмин	5
Тизо	6
Тмин	8
Гумер	10
Эли	13
Белые берега	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Тмин

Белый потолок, книги – кровопийцы, гомерические тунеядцы. Смотрят с полок спинками.

Тмин не любил книги. Их много. Слишком. Вот поблескивают тома Пруста. Вот кирпичи Пастернака. Вот худые жилистые томики Маркеса. Как много ферментировано в них: время, потраченное на написание, время, необходимое на прочтение, смыслы вложенные, смыслы потенциальные, эмоции извлеченные, эмоции прорастающие. Прорва времени. Чёрная дыра, брешь в полотне жизни.

Рядом с ними слышен шелестящий шепот, как из-за занавеса на тот свет: «Идем. Вот же. Рядом. Только протяни руку – и вот уже прекрасное далёко». Сопротивляясь, отходишь, но они подманивают, кричат беззвучно: «Так не возьмешь? Не прочтешь?!» Ёрничают, как чертовы дети: «Не осилил, не осилил! Слабо?!» Услужливо подставляют спинки гладкие. Легковерным дуракам. На волосках-крючочках этих спин уже и без того висят, застрявши как на проволоке, спутанные мысли предыдущих. Книги – нарциссы паталогические: дают интеллектуальной мощью, бесконечно тянут внимание на себя. По идее, чтобы хорошо читать, в какой-то момент нужно перестать жить.

Тмин, говнюк, всё прекрасно понимал. Но раболепствовал с безнадёгой. Он был причащен к их рождению: не только развел дома питомник, но и вскармливал новый прожорливый помет, чтобы засадить им полки. Новых кровососов под гладкими обложками. Его жизнь – их жизнь, его время – их время.

Писательское молоко его, слишком мутное и водянистое, не могло впрочем выкормить их. Неоконченные еще, неокрепшие, пищащие, они постоянно сосали и ранили его хрупкую оболочку своими острыми зубами. Поэтому шкура его была вся израненная, в мелких язвах. А окружающим – невдомёк, что он всё чешется.

Тмин, отец по принуждению, по призванию, прижимал их (с некоторым отвращением) к груди. Пока они маленькие, им нужно самовыразиться в реальности, как-то обматериализоваться. Еще безликие, совсем тоненькие, они облепляют его дракулиным копошащимся семейством и нетерпеливо бьют кожистыми крыльями обложечек. На этих обложках ещё толком никуда не улетишь, а они хотят на полки, многочисленно. Чтобы их брали и маяли.

Они умеют доить, и все сочтется смыслообразовательное вещество. Выкормить их, поставить последнюю точку, последний штрих материальности – и, внезапно, цепкие когти выпустят, метнется новое на полку – свободное, мощное. Тогда можно вздохнуть полной грудью.

Пока не придут новые. А выжмет до последнего сизое писательское млеко, и сам обессиленно канет туда, откуда извлекал их. Будет печально смотреть с обложек, с тусклого портретика на оборотке. Проситься, стучаться наружу.

Тмину случалось думать, что истекать он будет до полного материального истончения. Как и его предшественники добавит к уже имеющемуся кожистому подворью еще некоторое. Чтобы эффективней сжиралось время различных никчемух и фантазёров. Всех тех, кто обменивает свою жизнь на вымышленную.

Так случалось ему размяться в кресле и бездумно уставиться в потолок. Голова только болтается из стороны в сторону, пустота. Потолок наводит оцепенение, и тварям в обложках не удаётся выжать из него ни капли питательного. Голова мерно покачивается за стулом, вода журчит в стенах, под сизой кожей – фиолетовые вены. Кровоточат ранки, дух спит.

Тизо

Тизо принадлежал к `виду человеческих, на которых невозможно смотреть без легкого и несколько постыдного пренебрежения. Дело в том, что это вроде как и не совсем люди: до того они забавно нелепы, до того обыкновенны, что всё это становится неловко. Сознание мигом относит их к другому виду существ и успокаивается. После этого обычные правила восприятия уже не действуют: можно не воспринимать их всерьёз, не слишком внимательно слушать, не очень сочувствовать. Как бы затушевать, представить на лубочной картинке или на страницах комиксов.

У Тизо, помимо стрекозиных глаз за очками, беда была в волосах: ото лба вверх и в стороны раздавался беспечный одуван светлой курчавой поросли, который полностью уничтожал любые попытки воспринимать этого маленького человечка всерьёз. Настоящая золотистая корона дурака на худеньком теле.

Меж тем, этот нелепый дружок тоже умел страдать: не было дня, чтобы он не думал о Ладочке – вечно ускользающей и оттого ещё мучительнее желанной. Вот эта вот вся атласная кожа и отравленная кровь. Он знал, господи, как хорошо он знал, что надеяться и ждать – бесполезно. Но он жил, ждал и надеялся.

Разумеется, Ладочка не рассмотрит сокровищ его души за очками. Она – редкий отморозок – настоящий: что ей страдания Тизо? Невзрачный жучок ползёт по стволу дерева, мимо которого она проходит. На сухом белом лбу Тизо наметились несчастливые морщины. Он часто лежал в сером полумраке, музыкальным грохотанием в ушах пытаясь унять грохотание сердца. Глупый одуван на его голове продолжал жуировать при каждой возможности, но Тизо не замечал этого нелепого оптимизма. Однако, хуже всего ему было именно в помещениях – там, где не было ветра и места, чтобы раскачивать одуван. Там было душно, но он упрямо забивался туда, чтобы не было уже никакого дуновения – так как движение причиняло ему боль и обиду. Лучше умирать.

Так вышло, что в один из этих похожих друг на друга дней, без ветра и воздуха, его приметил Велиз. Неясно, мог ли тогда Тизо сам к нему достучаться – так глубоко был он погружён в тусклое существование.

Тизо ждал в машине мать, шли дождь и мучительно долгие минуты. За хмарью серотонированного стекла покачивалась зелень, противно свежая и мясистая под дождем. Тизо был мягок, бледен и снул. Он придвинулся к бардачку и достал такие же невзрачные, как он, печенья. Тизо засунул в рот пару бледных кружков застывшего теста, и не почувствовал ни вкуса, ни удовлетворения. Жук с большим удовольствием точит кору дуба.

Так жевал он, когда телефон на соседнем сидении подернулся вдруг голубоватым. Глядя на него Тизо чувствовал, как мелодия прорывается в его перепонки – как если бы кто-то проталкивал жемчуг через уши его в мозги. Заветное имя высветилось на предательском чёрном экране. Тизо смотрел на него, как на древесную змею, высунувшую плоскую голову прямо напротив. Сумрак вокруг и маленькие ядовитые буквы. Гибель от этого похожа на смерть мелких мышей в террариуме. Загипнотизированный, он потянул кнопку ответа.

Голос Ладочки был низок, умопомрачителен. Не что-то ли подобное чувят белые мыши, когда от яда уютно цепенеют их тельца? Или когда биолог внимательно вводит физраствор под их нежную кожу. Воля тогда уже становится ненужной: наступает свобода от воли. Свобода от тела. Вот и Тизо стал совсем свободен, бестелесен.

Он не соображал. Надежда затопила его вены, его трепещущее серое вещество и даже вдруг ставшие мягкими кости. Она горячо лилась у него из глаз. Ладочка говорила что-то: «напрасно он думает, но он не оставляет ей выбора, так дальше она не может, нужно двигаться к новому, если бы на то судьба была – да ведь глаза у человека не на затылке». Кисель

с комочками. Комочки эти Тизо всё никак не мог проглотить. Разжёвывать их было противно, но почему-то нужно.

Раздались гудки и Тизо вдруг выбросило из страны вечной весны в тот же полумрак, откуда извлекло на несколько воздушных минут. Пока-пока. Вместо дивного аромата жасмина – так пахли её шея и надежда – запахло сыростью. Мелькнули и исчезли белые одежды. Она была невинна, непричастна к его горю. Весенние цветы опали, деревья повалились вбок, бледные печенья осели в сжавшемся нутре комком. Холодным и липким, как стынущие на мягких щеках слезы.

Бывало, в далеком детстве, случалось описаться ночью. Сначала – так тепло и приятно, а потом горячее озерцо превращается в мокрую хладь. Тогда мягкое затуманенное сознание неповоротливо пробуждается, и синяя птица на стене растворяется в тусклый узор на обоях. Так и Тизо – просыпался. Действительность была оклеена серым.

На этот раз – не так, как в детстве – прежде, чем пришла мать, и стало стыдно, было время. Тизо прижал горстку напуганных воспоминаний, сложивших цветные крылья у него на груди. Когда детство прошло, утешающие игрушки стали эфемернее, но куда болезненнее – так закапывались рыльцами в плоть, что не извлечешь. Всё они – совместные годы, совместный дом, утреннее тепло. Тизо чувствовал себя мокрым и холодным. Тучи за черным окошком сожрали небо, мир превратился в кисель. Он чувствовал глаза – большие и пустые, будто смытые начисто слезами.

Вспомнил сказку, где Элли вытащила Страшила из реки и нарисовала ему смытые глаза. А ему кто нарисует? Чтобы видеть снова после литров слёз.

Тизо почувствовал возмущение и праведный гнев на судьбу. На отсутствие этого кого-то. Он был совсем один.

Вот тут-то сквозь бухающую завесу дождя и крови в ушах высветилось неоновым светом имя. И не Ладочки. Проступило другое – ясно, как люминесцентная вывеска, засветилось в мозгу. Это был пьяный бар, всегда открытый неудачникам. Назывался он Велиз. Японский бог, индеец, путь к себе. Как угодно. Достаточно помянуть – и чудо!

Тогда это и произошло: Тизо вдруг понял, что уже невозможно терпеть.

Тмин

Концов не было. Ни одного. Он исписывал тетради, бросал, потом еще тетради, потом перешёл с аналогового на высокотехнологичное и завёл несколько файлов в серебристой рамке экрана. Под каждую тетрадь – своя ручка с тонким стержнем, под каждый файл – тонкая клавиатура. Будто тонкость эта гарантирует тонкость мысли.

Или же, вот, можно высадить на экране деревце – чтобы его не тронуть, пока не вырастет: сиди и пиши. Перед праздниками оно даже разных форм: ёлка с подарками, пугало с тыквой на голове, сакура: сиди да не отвлекайся, не убивай почём зря дерево.

Всё зря. Безуспешно, бесполезно, вхолостую. Можно сходить сожрать печенье с полки – и так пройдёт день.

Тмин знал: концов не бывает. Ни плохих, ни хороших. Только вечная мука писания, отложенного времени. Бесконечные позывы, а толку нет.

Ставьте цели. Если вам не удалось преодолеть себя хотя бы 5-10 раз в год, дальше будет только хуже. Вот, что проповедовали целеполагатели. А Тмин был отставшей птицей в пролёте. Бледная кожа, хилые мышцы, мутный взгляд. Всегда он был обложен кучей книг. Отшельник. Смотрел на маленький парк через дорогу, и он до боли напоминал лес: заснеженный, опадающий, летний. И Тмин за окном – в аквариуме своих идей.

Вокруг лупают и суетятся сгустки образов, беспокоятся. Он не знает, как пересадить этих мелких чертей в книгу. Может, им нужен горшок побольше? Может, у него неподходящий горшок?!

Только мигрень от их постоянного постукивания – из безликого небытия в его пустую голову. Это, и непрерывный белый потолок над писательским креслом под его жопой. Он не чувствовал ни жопу, ни связь с миром.

Единственным выходом было закончить. Невозможным, ложным, бутафорским. Как наклеенные обои в виде древнегреческих колон на фасаде маленьких домов на продажу в кредит. Подделка. Бутафория. Картон. Как и его книга – напроць картонная. Деревянные персонажи, искусственные ситуации. Пластиковый талант.

Да и о чём писать? Стоило Тмину задать себе этот вопрос, начать выбирать объект глубочайшего философского смысла, как ум его переставал работать, мысленный взор уходил в пустоту, и ему казалось, что нет у него таланта, или что какая-то болезнь мозга не даёт ему разродиться во всю мощь.

Тем не менее. Она – книга, бутафория, концовка – давала надежду уткнуться в небо. Настоящее – не заплыванный мечтами и досадой потолок. Настоящее голубое небо. Уткнуться в небо самым своим носом.

Такое небо видит Велиз. Кто знает, обращает ли он на него ещё внимание – столько лет крошится под этими небесами его старая кожа. Но для тех, кто этого неба не видел – это огромный дар. Гремучий инсайт. То ещё целеполагание.

Велиз... Опыт работы тыщу лет. Мозгоправ и костоправ.

Там, в его пустыне, тминова голова забронзовела бы, наконец, как лапа велиза, как памятник великому поэту, раскиданный по площадям империи. Его день рождения стали бы отмечать по всей стране. Веха. Он приобщился бы к Велизьему племени, стал бы мудр и велик. Запеклась бы голова и отлила на солнце красным, а мысль вскипела бы ясно и излилась бы чёрным по белому. Полнились бы полки его детищем.

Пустое. В пустыне мысль только кипела и испарялась, оставляя звенеть пустоту. Тишина временами прерывалась жарким потрескиванием карега камня. И проблесками ожидания. Или так только казалось – ведь мозг не способен её переносить. Тмин закрыл глаза. Нутро его от

жажды стало пеклом. Он терпел: говорят, горемыки выгрызли целый колодец на пыльном плато – да без воды был их колодец.

Всё это был вымысел, который стоило выбросить из головы. Как Секрет, Высокая Эффективность и Навыки целеполагания. А также Счастливый АйКью. Бессмысленный набор букв, пилюли счастья, эфемерная сома и психосоматика. Вымыслом был и сам Велиз. Но не просто вымыслом, а легендой. Заставлявшей верить, что да, старая ящерица может помочь. Даже если ты не в состоянии справиться сам.

Велиз сидел, распластав древние лапы по каменной пустыне. Жизнь протекала без потрясений, Велиз был огромен и стар. В глубоких складках его тела образовались целые города и мазары. Иногда туда забредали юницы. Там и терялись – говорят, много было таких велизовых невест – их он не любил отпускать.

К нему надо было приходиться заранее, в солнечную печь: на закате зашевелится – не подступиться.

Тмин сидел и бросал камни в горизонт. Белую кожу опалял жар, по венам текло голубое и чистое, плескалось, как река на солнце. Маленькая горная речка – такая и в степи не пересохнет. Дождаться было очень нужно, и Тмин не пытался скрыться от солнца в сушильне: брал смирением. Боялся оказаться вновь в чёрном офисном кресле под белым потолком.

Велиз видел его: мелкий бронзовый жук. Приоткрыв одно веко, Велиз не торопился открывать второе. Не было на свете места приятней. Оно хрустело на коже, пекло. Духота и пыль, жар и песок.

Очень размеренно тишина дня сменялась легким оживающим стрекотанием. В районе жука о камень камнем бился звук – он развлекал себя игрой в камушки. Торопиться нужды не было. Никогда. В конце концов, что есть день? По коже ползли какие-то муравьи.

Затем их смыло сумерками, стекшими по спине Велиза в прохладную лужу под брюхом. Велиз блаженно шевельнулся. Выпустил длинный коготь и потянулся им к человеку. Потянул – Тмин не понимал, спотыкался, дурел – сжался и заполз к нему в карман.

Люди всегда чувствуют его присутствие. Несут, будто спугнутые лошади. Это трогательно: всё равно приходят, всё равно боятся. «Не видят они далеко, не видят они глубоко, но хоть и бессилён взгляд, они всё равно глядят». Да, впереди – море, впереди – огромная пустая равнина. Ужасающий грохот волн и камней. Распинываемых своими же ногами. Некоторые цепенеют и остаются камнями в этой пустыне навечно. Некоторые утонут в волнах собственных морей.

Но Велиз не сдавался первым. В кармане трясло, и все это уже бывало столько раз. А потом – пришли: охряной свет человеческого быта, позабытые бананы, в спешке неприбранная неровная поверхность стола – заползти с обратной стороны, спрятаться? Но нет – прятаться он не будет: не для того ли и пришёл человек, чтобы рискнуть и узреть, к кому? Поэтому Велиз просто принимался за бананы или что есть жрать. Иногда бывали вафли в хлипкой упаковке. Хлебистая бледно-желтая сердцевина – не то, чтобы гурманство. Не съест даже – просто причастить зубными насечками.

Как всегда человеческий страх (чего они всё-таки ждут, приходя в пустыню?), как всегда долгое ожидание, затаивание этого спугнутого зверька и затем – когда бредовая полудрема возвращает это зыбкое существо к жизни – просветление. Всегда вдруг, но ожидаемо. Наутро ритуал: царапнуть поглубже (бывает больно), шепнуть скрипуче, убедительно – и выкинуть прочь из мягкой тюрьмы, в которую они так любят себя помещать.

Гумер

Лавка твердела под худой задницей, а мимо шли уродливо раздутые пакеты с людьми: конец рабочего дня, наспех придуман ужин. Фасоль в томате, спать и снова в бой.

Вот человек-одуван. Без пакета. Что он здесь? Его, как пакет, сорвало и принесло случайно, и будто зажало между решётками школы и детской площадки – на узком тротуаре под деревьями. Почему я пакет? Ответа нет. Он нетверд в походке и устремлениях, припухл в щеках. Пьянчужка? Разбился ли уже его корабль о дно офисного бытия? Тащит ли он повозку, гружёную кредитом? Или он недоросль, живущий на дармовых кормах под крылом стареющей мамы? На вид лет 30. Молодые 30. Уже мимо бедового клуба 27, но ещё до просветлённых мук праотцов. Ни креста, ни драмы: просто дурачок.

Тмин досуже наблюдал Тизо. Мочи не было идти ни назад в хату, ни вперед – в лес высоток. Лес, пусть и людской, был страшен. Не хватало духу. Поэтому Тмин сидел на месте, невротически зажатый между двумя возможностями, как Тизо между заборами. Естественно, в ситуации этой куда приятнее было подробно наблюдать невроз чужой, чем свой собственный.

Вот Нелеповатый трогает тонкой ручкой турник на детской площадке, вот присел у куста сентябринок. Нелепица на голове. Никчемуша, Никакушка, Ничтоженька. Полосатое поло неопределенного фиолетового оттенка – висит жалобно и как бы извиняючись.

Тмин отвлекся: надо полистать ежедневник – вдруг оно придёт, вдруг слова просыпятся. Но оно не приходило, а слова не просыпались. Более того, стало понятно, что сегодня не придёт уже ничего. Это порождало затравленность, падение духа и скукоживание эго. Он ни на что не годился, ничего не мог и никуда не смел податься. Разумеется, его нигде и никто не ждал. Прямо как одувана, который уж утомил спорадически появляться в разных местах двора (Тмин следил). Такой этот Одуван был наивный, гладенький – с робким сосредоточенным выражением лица, высоким лбом, который он то и дело морщил, безмерными стрекозьими глазами. Что-то там себе соображал.

Тмин начинал злиться. Нечто жуткое погнало его из дома, приходилось отсиживаться во дворе, да ещё и с визгом, рёвом маленьких двуногих за ухом. Затравленность сменялась возмущением, которое готово было вот-вот лопнуть, как спелая виноградаина.

Он рассеянно уткнулся в список городов в начале ежедневника. Ситуация предполагала, что любой вздох вселенной может быть знаком. Любой даже пук.

Тмин выбрал глазами Тернополь и Бордо.

И тогда на скамейку присел БОЛЬШОЙ. Прежде всего – голова, потом уже всё остальное. Крупная, коротко стриженная, темно-гнедой масти. Это было совершенно лишнее. Вот это присаживание. Пук, а не вздох судьбы. Да какой! Тмин брезгливо отодвинулся, не глядя на соседство.

Итак: Тернополь и Бордо. Воображение снова постаралось уцепиться за эти два названия. Никаких рациональных суждений, воспоминаний или хотя бы эмоций эти локации не вызывали. Они были ему откровенно безразличны. Об обеих он имел крайне расплывчатое представление. Но ведь это и было частью великой загадки, разгадав которую он смог бы дотащиться-дойти-доползти уже до конца! Нечёсаная голова его зажглась пожарищем от закатных лучей и напряжения.

Тернополь – терновый венец, наследие пыльных руин, белое тело нимфы, через тернии к звездам (?)

Бордо. Винные реки, конечно же. Благостная влага жизни, кровь христова. Леонардо дай винчик.

Какое убожество, – слышалось сбоку. Это явно сказал мордоворот.

Тмин затаился, сделал вид, что не слышит. Должно быть, эти слова относились к Одуванчику-дурачку. На детской площадке раздражающе гомонили дети, на лавках (лаврах?) сидели мамы с полными, обтянутыми цветным ляжками, по тротуару двигались раздувшиеся кормом пакеты.

Тмин вытянул затекшие ноги, потер колени. Украдкой поглядел на соседа. Лоб большой и рельефный, брови выпуклые, толстые, как большие гусеницы – вот-вот поползут. Глаза в фиолетовой тени. Не очень большие. Какое-то мастифье ощущение, только бы больше кудлатости. А то будто и ему пришлось подстричься под офис, чтобы что-то скрыть: волос по бокам, до самой верхушки головы был очень короткий – по моде.

Тмин открыл карту, искал, нашел, аккуратно проложил маршруты: от Тернополя до Бордо, от Бордо до Тернополя. Румыния, Австрия, Венгрия замелькали под ногами. Писательская мысль зароилась, почуяв приближение важного и невыразимого.

Но тут он почувствовал на своём лице посторонний совершенно взгляд. Теперь Большой бросал на него не только мшистую тень – это еще можно было пережить – но и внимательный пронизывающий до зябкости взгляд. Едритство.

Можно было, конечно, и так. Отстраняясь от неудобного взгляда, Тмин потеревбил носком кедика палочку в песке, осмотрел её и снова попробовал углубиться в свой ежедневник. Но мысль не клеилась. Об его лицо колюче тёрся чужой взгляд, будто двухдневная наждачная щетина. В уши вторгся новый раздражитель: баунс-прыг-скок-баунс, баунс-прыг-скок-баунс. В пальцах и задней части мозга чувствовалось напряжение. Тмин раздраженно поднял взгляд. Прыг вверх – подлетание белой юбочной волны – лёт вниз – опадание, баунс – мяч ударяется об асфальт, хват – на другой стороне пойман белыми руками, баунс – прыг, скок, баунс. А на фоне – резкий визг мелких спиногрызов. Нетерпение росло. Послышался гудящий сигнал грузовика.

Вулкан забурился:

Как тебе моя девчушка? – спросил, явно не собираясь допустить, чтобы Тмин уклонился от разговора. Тмин мысленно поморщился: и от фамильярного обращения, и подозрительного словечка, и от непрощенной беседы. В его-то сосредоточенном настроении. Но из вежливости уточнил:

Какая девчушка?

Эта. Мы путешествуем вместе, – и показал на белую юбочку.

Вывод, который нужно было сделать, был неявен. Молодой отец? Тмин еще раз бросил взгляд на Гору. Черты лица были явно намечены ваятелем невпопад: не все на своих местах и нужной формы. Или это вечерние тени ненароком разбросали элементы лица, затенив одни и неровно выхватив другие. Из-за этой же игры света, вероятно, зрачки гостя будто подёрнулись красноватым, недобрый, стоило Тмину подумать об его отцовстве – его любопытство так и припечатало грузный взгляд. Уши чуть прижало к черепным костям. Он с какой-то тоской вдруг подумал, что довольно давно не замечал местонахождения блажного. И пузырьёк успокоения в мире растворился вместе с его одуваньей шевелюрой.

С ней хорошо, – сказал Угнетатель с упором, – может быть даже очень хорошо. Не хочешь попробовать?

Тмин почувствовал, что рубашка прилипла к спине, а жопа – к скамейке. Сглотнул. Что-то мигом зачесало и без того напряженный задок мозга, а на переднюю его часть стал опускаться туман.

Что значит попробовать? – спросил тихо, несмотря на то, что хотелось взвизгнуть. Из своего тумана попробовал присмотреться к ребенку.

Она была светло-рыжей («ранний каштан», отметил про себя Тмин, которому в пору было уже относить себя к каштану зрелому, и уже хотя бы поэтому нечего было пялиться на детей). Пышный золотой костерок подпрыгивал на тонких белых спицах. Ему едва не стало

гадко, но тут он сообразил, что её короткая юбка его не прельщает, и вздохнул с безмерным облегчением.

Но придется платить, – настаивал на своём. Подсланный мент по борьбе с педофилией? Вот прям так – посреди двора?.. Наглый рiмр с соседнего района? Просто ебобо?

Тмин с достоинством встал: «Мне не интересно». Отряхнул футболку, собрался прочь.

А в Бордо тебе попасть интересно? – невпопад ответила мастифья голова, рассеянно глядя в сторону. Мастиф де Сад. Гора де Говёх. Кусок Сатана.

Тмин осел. Этого он уже пропустить не мог: этот чёртов знак. Никак Велиз услышал. Совершенно не хотелось задавать вопросов. Но он, конечно, спросил:

Какая же стоимость?.. Билета.

Большой повернул к Тмину грузную голову. Присмотревшись, Тмин увидел, что лицо это – не окончательно неприятное: глаза небольшие, почти одного размера между собой. Внимательные. Выражение лица, в общем, не угрожающее (хотя и красноватые, нахер, широкие зрачки). Нос прямой, лоб высокий. Черты скорее правильные, хоть и крупные. Зато без чёрных пор. Тмин чувствовал, как становится податлив, будто пластилин.

В три раза дороже обыкновенной.

От этой информации нервы вонзились в пластилин проволокой. Нутро свернулось клубочком и уползло. Стало понятно, что дело недоброе. Тмин уставился на чистые листы. Зачем было спрашивать? Он напишет и так. Надо только дойти до хатки, закрыться.

Я – Гумер, – глухо, почти застенчиво, сказал сосед.

Тмин растерялся: эта мощная гора, тень, огромная псина решила знакомиться. Разом практически открыв ему свою сущность – не то про эротические пристрастия, не то про иноземный велизов мистицизм, лихую сверхъестественность, литературный привет.

«Я – Гумер: даёшь угрюмей, из-за Элли обезумел, бываю шумен, не рад себе, как в аду игумен, чуме подсуден, гоняю мумий, мне душно в человеческом костюме, я вольнодумен! Да, я БЕЗУМЕН! Раунд!» – секундой пронеслось у Тмина в голове. Он увидел персонажа и спохватился.

Я – Тмин, – произнёс с торжественной неизбежностью и протянул руку.

Элли

Очень приятно, – добавил, чувствуя как сухость забивает горло.

Тоскливой своей вдумчивостью Гумер и правда смахивал на мастифа. Взгляд Тмина вдруг заметил, какие мощные у него ляжки-лапы. Стало неловко.

Мне пора, – тихонько и, по возможности, незаметно решил свалить.

Гумер понимающе кивнул.

Никуда тебе не пора, – пробасил и откинулся на спинку лавки, будто укореняясь здесь на века. Тмин безвольно стёк вниз.

Ты спрашивал про цену, – томительно помолчал, – Радости и горя у людей ограниченное количество. У всех поровну. Догадываешься? Просто кое-кто больно бережет. Скупердяи. Доживают до седых мудей на честном слове – пока уж совсем огонёк не стухнет, песок не посыпется. А кто-то транжирит без остатка, будто завтра умирать. И умирают. Кто-то горе выбирает хлебать в начале, а счастье оставляет на сладенькое, кто-то – наоборот. Обычно, конечно, самое вкусное съедают в начале. Но тогда долго томятся и причитают в конце. В любом случае, как расходуют – так на небеси. С Элли расход выше: жизнь бьёт ключом, все дела. Не для скряг. Больше половины отдашь, чего имеешь.

За лавкой в кусте сентябринок шевельнулся ранее смутивший Тмина Одуван. Он лежал здесь с руками под головой и глядел в небо, прислушиваясь. Голубела безразличная высь, бежали белые шерстяные облака и ветерок чуть теребил ватный одуван. Цвело, против всякой логики, абрикосовое деревце. Ничто, конечно, не могло тягаться с его безнадежностью, но на границе с ней вдруг вылупилось любопытство. Маленькое пока, куцее и неуверенное. Шевельнулось и желание докоснуться до этого времени, стойившего в три раза дороже обыкновенного. Что это за время такое? Надо нюхнуть – хоть понюшку, перед тем, как окончательно кануть в безразличную высь.

А потому, незаметно для него самого, взгляд Тизо стал сосредоточенным, а нос порозовел.

Почему расход выше? – продолжал Тмин.

А с ней по-другому не получится, дружок. Хочешь не хочешь – а отдашь. Не отсидеться.

Тмин задал вопрос, который заинтересовал уже и Тизо:

А что я получу?

Жизнь.

Тизо покумекал, что ничего не теряет, и мысленно согласился. Тмин задумался. Ему хотелось сбежать от книги, а потому терять было тоже особенно нечего. Тем более, больше расход, быстрее едешь, верно?

И ты платишь? – спросил неуверенно.

Нет, – ответила гора, – Мне не за что.

Заходящее солнце упало на его глаза, отлило красным, и губа его чуточку искривилась: театральность эта явно его потешала.

Совсем тухляк, раз не расходует? – осмелел, возмутился и пошутил разом Тмин: он еще не знал, что безопасней, – такой особенный?

Особенный, – явно получал удовольствие от своего и тминового нахальства Гумер.

И мне надо платить?

А как же, – секунду суровая морда сохраняла серьезное выражение, а потом вдруг расплылась в улыбке, – Но тебе сделаем скидочку.

Помолчал, выдержал многозначительную паузу. Затем повернул тяжелую, как у минотавра, голову, и красным взглядом извлек Тизо из сентябринок. Одуван сжался.

А вы что думали? Тайны оплачиваются кровью, господа мои! – подмигнул.

У Тизо едва не вылез Одуван и запотели очки. Гумер получал удовольствие во всю. «Вот гад, – мстительно подумал Тмин, – как же, радости он не испытывает». Совсем побледнели кудлатые головы солнечных лучей на коленях, будто заснули и растворились в голубоватом сне. Становилось спокойнее. Вокруг них, как в мыльном шаре, стало тихо – визги с детской площадки, мяч, гул шин доносились едва слышно, точно из-за мембраны.

К скамейке подошли Элли с Анной Карениной. Это узнавалось по красивым полным рукам и схожести с дочкой Пушкина. На правой руке у Анны был тонкий бордовый браслет – как бы предвестник её будущей кончины. Она покраснела, глаза её горели, тёмные волосы растрепались. Она, безусловно, была счастлива – Тмин сразу это понял. Он заметил и то, что большие блестящие эллины глаза напоминают капли тёмной бычьей крови. Такой же почти бордовой, как браслет Анны.

Рядом с белокожей Карениной Элли была вся золотистая, лёгкая. Белое её платье будто помышляло сорваться, как пакет, и улететь вверх, на 25 этажей выше.

Анна стала сбивчиво благодарить Гумера. Он её явно смущал. Элли тихо улыбалась. Она не смотрела на Тмина, но он чувствовал – она знает, что идти им вместе.

Нам пора, – наконец строго сказал Гумер Карениной. У неё на лице тут же возникла какая-то растерянность, а затем это неопределенное выражение сменилось покинутостью. Ей надо было возвращаться в свою историю, и поделаться ничего с этим было нельзя. Она не посмела больше настаивать и сделала неловкий шаг назад, готовясь остаться в сумерках.

Гумер кивнул ей и пошагал за Элли, которая ещё раз махнула Карениной рукой, прощаясь и как бы отправляя ей последний заряд, последнюю горсточку счастья. Тмин и Тизо несмело поплелись следом. Оборачиваться на двор не стали. Больно кольнуло, что двор позади растворяется в тающем вечере.

Белые берега

Стоял июль. Незадолго до дня рождения Элли. Сумерки застали их у машины Гумера. Это была чёрная большая штука с мощным почтовым ящиком на капоте. Конечно же. Что еще могло увезти их прочь из города? Для каравеллы они были слишком бедовы, для просторного пахэро – слишком мало смахивали на семью с лабрадором.

Не захватили ни ручки, ни тетради, ни ботинка – непонятно было, как писать и в чём идти. Пара трусов – и та на себе. Тмин был в лёгких эспадрильях, готовых развалиться от первого дождя. И со смартфоном, который годился разве для постов в прерывистую сеть. Ежедневник оставил на скамейке.

Город убегал по обе стороны большой ноздреватой морды. Проносился под колёсами. Махал на прощание спилями, кивал головами печальных памятников. Фоном шла какая-то лёгкая электроника. О городе, который они оставляли – вечном и одиноком в своей суете. Неспешные биты меланхолией вторили суете прохожих и сменялись пронзительной гитарной мелодией. Огни становились ярче, а темнота вокруг них – гуще. Потом прохожие исчезли. Под джазовые сэмплы с нотками футуристики вступила партия большого путешествия. Оранжевые магистрали прочертились вперед на сотни километров. Два сердца хранили хрупкую внутреннюю теплоту в несущейся страшно машине. Что хранили другие два, было неясно.

Тмин изучал карту МЗ. Маленький нежный треугольник свидетельствовал о том, что они неслись по ней. Мимо Селятино, Нары, Малоярославца, Малых горок. Все они оставались за высокими заборами, либо неверным отсветом сбоку манили с дороги. Тмин не мог разгадать, куда, зачем они едут, что значит явление и быстрое исчезновение названий. Невозможно было зацепиться – неумолимый спонтанный полёт. Тизо же глядел в чёрное окно и думал, что вот уносится, уносится прочь от Ладочки. Больно! И слава богу. Вспомнит еще она.

На юг! Там где Сумы, Полтава, Черкассы и дальше – Херсон! Никакого морока Бордо. Какой глупостью был скамеечный маршрут. Тмин готов был к непредвиденному как никогда. Непреодолимо.

Музыка неслась, люди молча летели за ней, проносясь над асфальтом жопами. Глаза Гумера изредка темно посверкивали в зеркале заднего вида. Элли демонстрировала удивительно взрослую манеру: не ёрзала, не болтала и не спала. Телефон не брала. Да и что она могла там смотреть? Котиков? Основы макияжа?

Тмину было торжественно и грустно. Позади оставалось всё. И становилось ясно, что назад вернуться никогда больше не будет возможно. Это было круто и мощно. У чёрного окошка сопел Тизо. Измучился, бедный, душою. Задремал. Тмин в дрёму погружаться не хотел – на горизонте небо всё больше подёргивалось зелёным. Всё только начиналось. Он запрокинул голову, поняв, что едут они хорошо, подбадривал жизнеутверждающий рок.

Вдруг Гумер пробормотал ему куда-то прямо в ухо – «какой-то звук». С переднего сидения волной хлынула сосредоточенность – Элли замерла, как струна. Но было поздно: Гумер резко потянул руль вправо, автомобиль повело с дороги и он, под всеми парусами промчав мимо заправочной станции, остановился в неверном голубом свете. Глухо открыл дверцу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.